

*Гэвину Полоуну — моему другу,
защитнику животных,
не верящему в подсчет калорий
и критикующему ноутбуки, —
благодаря которому мой труд
стал известен такому большому
количеству людей по всей планете.*

Пролог

Меня зовут Бейли. У меня было много имен и много жизней, но сейчас меня зовут так. Бейли — хорошее имя. Я — хороший пес.

Среди множества мест, в которых я жил, самым замечательным местом была ферма — до тех пор, пока я не прибыл сюда. У этих краев нет названия, здесь есть золотые берега, где можно бегать; палки и мячики, которые удобно брать в рот; игрушки, которые пищат, и все те, кто когда-либо любил меня — и по-прежнему любит. И, конечно, тут много, очень много собак, потому что без них это место не было бы совершенным.

Я дорог очень многим людям, потому что я прожил огромное количество жизней, успев сменить массу имен. Я был Тоби, Молли, и Элли, и Максом, я был Бадди и Бейли. С каждым именем в мою жизнь приходила определенная цель. Сейчас она была простой — быть с моими людьми и любить их. Возможно, это с самого начала и было моим главным предназначением.

Здесь нет боли — только радость, которая приходит, когда ты окружен любовью.

Время, никак не определенное, текло в безмятежности, пока мой мальчик Итан и моя девочка Сиджей не пришли поговорить со мной. Сид-

жей — ребенок Итана. Как только они появились, я сел с очень внимательным видом, потому что из всех людей, о которых я заботился, у этих двоих была самая важная роль в моих жизнях, и сейчас они держались так, как ведут себя люди, когда хотят, чтобы собака что-то сделала.

— Привет, Бейли, хороший пес, — обратился ко мне Итан. Сиджей пробежалась рукой по моей шерсти.

Пару мгновений мы просто дарили друг другу любовь.

— Я знаю, ты понимаешь, Бейли, что это не первая твоя жизнь. Я знаю, что у тебя было особое предназначение и что ты спас меня, — сказал Итан.

— И меня ты тоже спас, Бейли, моя девочка Молли, мой Макс, — добавила Сиджей. Когда Сиджей произнесла эти имена, я вспомнил, как сопровождал ее в жизненном пути, и помахал хвостом. Она обняла меня.

— Ничто не сравнится с любовью собаки, — шепнула она Итану.

— Она безусловная, — согласился Итан, поглаживая меня по лбу.

Я закрыл глаза от удовольствия, получая ласку с двух сторон.

— Мы вынуждены просить тебя, Бейли, сделать кое-что. Нечто очень важное, что можешь сделать только ты, — сказал мне Итан.

— Но если у тебя не получится, ничего страшного. Мы будем любить тебя, и ты все равно сможешь вернуться сюда и остаться с нами, — сказала Сиджей.

— У него все получится. Ведь это наш Бейли, — улыбнулся Итан.

Там, где ты нужен

Он держал меня за голову — когда-то его руки пахли фермой, а теперь они просто пахли Итаном. Я пристально смотрел на него, потому что, когда мой мальчик говорит со мной, я чувствую, как его любовь окатывает меня теплой волной.

— Ты должен вернуться, Бейли. Вернуться, чтобы выполнить обещание. Я не стал бы просить без особой необходимости.

Его тон был серьезным, но он не сердился на меня. Люди могут быть счастливыми, грустными, любящими, злыми. У них много эмоций, и обычно я могу определить по их голосам, как они себя чувствуют. Собаки чаще всего просто счастливы, вот почему, наверное, нам не нужно разговаривать.

— На этот раз, Бейли, будет иначе, — сообщила Сиджей.

Я взглянул на нее: она была ласковой и доброй. Однако я ощущал в ней тревогу, беспокойство. Я наклонился, чтобы она могла крепче меня обнять и почувствовать себя лучше.

— Ты ничего не будешь помнить, — тихо проговорил Итан. — Ни одну из своих жизней. Ни меня, ни ферму, ни это место.

— Ну, *помнить*, возможно, нет, — возразила Сиджей, и ее голос был таким же тихим, как у Итана, — но ты столько пережил, что сейчас будешь мудрым псом, Бейли. Со старой душой.

— А самое сложное в том, приятель, что ты даже *меня* не будешь помнить. Мы с Сиджей исчезнем из твоей памяти.

Итан был грустным. Я лизнул ему руку. Грусть в людях — причина существования собак.

Сиджей погладила меня.

— Правда, не навсегда.

Брюс Кэмерон

— Это так, Бейли, — кивнул Итан. — Не навсегда. В следующий раз, когда мы встретимся, я буду выглядеть иначе, но ты узнаешь меня и вспомнишь все. Все свои жизни. К тебе всё вернется. И, может быть, тогда ты поймешь, что ты — пес-ангел, который помог выполнить очень важное обещание.

Сиджей пошевелилась, и Итан посмотрел на нее.

— У него все получится, — твердо сказал он. — Ведь это мой Бейли.

Глава первая

Сначала я знал только вкус маминого молока и уютное тепло ее сосков. Так было до тех пор, пока я не стал чутче воспринимать окружающий мир и не осознал, что у меня были братья и сестры, с которыми нужно бороться за мамино внимание, потому что они все время ерзали и пихались, стараясь меня оттолкнуть. Но мама любила меня, я чувствовал это, когда она меня обнюхивала и вылизывала. И я любил свою маму.

Пол и стены нашего логова были металлические. Мама соорудила в глубине теплую лежанку из мягких тряпок. Как только мы с сородичами стали видеть и неплохо передвигаться, мы выяснили, что поверхность под подушечками лап была не только твердой и гладкой, но еще и холодной. На лежанке жилось намного лучше. А крышей над головой служил изношенный брезент, хлопавший на ветру с хрустким звуком.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с манящим прямоугольным отверстием в передней части логова, из которого текла опьяняющая смесь света и запахов. В том месте пол логова выступал за крышу, и мама часто подходила к этому окошку в неведомый мир, отталкивалась, скрежеща ког-

тиями по металлическому листу, а потом... исчезала.

Мама выпрыгивала в свет и скрывалась из виду. Без нее нам, щенкам, становилось холодно, и мы сбивались в кучу, чтобы согреться, пищали и успокаивались, а затем проваливались в сон. Я чувствовал, что мои братья и сестры были расстроены не меньше моего и переживали, что она никогда не вернется, но мама всегда приходила назад, появляясь в середине прямоугольного отверстия так же внезапно, как пропадала.

Когда зрение и координация у нас стали лучше, мы скооперировались и проследили мамин запах до самого края, но это было страшно. Там, внизу, простирался мир, головокружительный, притягивавший своими возможностями, но в него можно было попасть, только рухнув с невероятной высоты, потому что наше логово находилось над землей. Как же мама спрыгивала, а потом возвращалась обратно?

Одного из братьев я про себя называл Пухлей. Мы с сородичами большую часть времени пытались спихнуть его с дороги. Когда он залезал на меня, чтобы спать сверху всех, ощущение было такое, точно он сплюсчивает мне голову, но вылезти из-под него было нелегко, потому что остальные щенки заталкивали меня обратно. Хотя его морда и грудь были такими же белыми, а тело — серо-черным с белыми пятнами, как у всех нас, весил он куда больше. Когда мама вставала, чтобы отдохнуть от кормления, Пухля всегда жаловался дольше других и продолжал искать грудь, даже когда остальные уже наелись до отвала и хотели играть. Он меня раздражал: мать была настолько худой, что у нее под кожей вид-

Там, где ты нужен

нелись кости и из пасти шел зловонный запах, а Пухля был упитанный и круглый, но постоянно требовал от нее еще и еще.

Именно Пухля, почуяв что-то в воздухе, оказался в опасной близости от края, возможно, с нетерпением ожидая маминого возвращения, чтобы продолжить высасывать из нее жизнь. Только что он балансировал на краю и вдруг исчез, с шумом рухнув вниз.

Я не был уверен, что это плохо.

Пухля панически взвизгнул. Его ужас передался нам, оставшимся в логове, и мы тоже запищали и заскулили, беспокойно обнюхиваясь, чтобы придать себе бодрости.

Я сразу понял, что никогда не пойду к краю. Там было опасно.

Затем Пухля стих.

В логове сразу повисла тишина. Мы все чувствовали, что, если с Пухлей что-то случилось, следующими на очереди можем быть мы. Мы сбились в кучу в беззвучном страхе.

С громким царапающим звуком в окошке появилась мама, держа в пасти огорченного Пухлю. Она положила его в центр нашей кучи, и он, конечно же, сразу запищал, требуя себе сосок и не обращая внимания на тот факт, что напугал всех нас. Предоставь она Пухле самому разбираться с последствиями своей авантюры, мы бы не сильно расстроились — уверен, не я один так думал.

Той ночью я лежал на одной из моих сестер и обдумывал увиденное: окошко было опасным местом, не заслуживающим риска — даже несмотря на манящие запахи внешнего мира. Лучше держаться ближе к лежанке, рассуждал я, так безопаснее.

Как выяснилось несколько дней спустя, я сильно ошибался.

Мама дремала, лежа спиной к нам. Это огорчало моих сородичей, особенно Пухлю, потому что аромат ее сосков дразнил, и ему хотелось есть. Никто из нас не был достаточно силен или ловок, чтобы перелезть через маму, а обойти вокруг головы и хвоста мы тоже не могли, потому что она лежала, уткнувшись в дальний угол логова.

Она подняла голову из-за звука, который мы слышали очень часто, — урчащего и механического. Раньше звук всегда быстро нарастал и стихал, но на этот раз он подошел близко, и то, что его производило, очевидно, остановилось. Послышался хлопок, и тогда мама встала и уперлась головой в гибкий потолок, наострив уши.

Что-то приближалось — тяжелые звуки становились все слышнее. Мама вжалась в заднюю стенку логова, мы последовали ее примеру. Никто теперь не тянулся к соскам, даже Пухля.

Огромная тень заслонила свет из прямоугольного отверстия, и выступ, ведущий в мир, с грохотом захлопнулся, превратив логово в ловушку, из которой не было выхода. Мама тяжело дышала, глаза у нее побелели, и мы все поняли, что вот-вот случится что-то *ужасное*. Она попыталась вырваться через боковую стенку, но брезент натянулся слишком туго — ей удалось только высунуть наружу кончик носа.

Пол логова закачался, раздался еще один хлопок, а затем со скрипящим ревом поверхность под нашими лапами задрожала. Логово дернулось, отчего все мы полетели в сторону. Мы скользили по гладкой металлической поверхности. Я посмо-

Там, где ты нужен

трел на маму — она выпустила когти, стараясь удержаться на ногах. Она не могла нам помочь. Мои сородичи жалобно пищали и пытались подобраться к ней, а я пятился назад, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Я не понимал, что за силы тянут меня — я просто знал, что если маме страшно, то мне нужно *умирать от ужаса*.

Подпрыгивание, стук и тряска продолжались так долго, что казалось, они никогда не закончатся и мама будет вечно дрожать от страха, а меня будет безостановочно мотать туда-сюда, — как вдруг нас всех скопом швырнуло в заднюю стенку логова, мы свалились в кучу и тотчас распозлились, а шум и тошнотворные сотрясения между тем волшебным образом прекратились. Даже вибраций больше не было.

Мама по-прежнему боялась. Я видел, как она насторожилась от металлического хлопка, как повела головой, следуя за хрустящими звуками до того места, где открывалось окошко в мир.

Я увидел, как она ощерила пасть, и почувствовал настоящий страх. Моя спокойная, нежная мама теперь была жестокой и дикой, шерсть у нее встала дыбом, а глаза стали холодными.

Выступ с лязгом вернулся на место, и за ним вдруг оказался человек. До меня это дошло инстинктивно и сразу — я точно почувствовал на себе его руки или вспомнил это ощущение, хотя никогда прежде не встречался с этим существом. У него были густые волосы под носом, толстый живот и округлившиеся от удивления глаза.

Мама выпрямилась и свирепо щелкнула зубами, ее лай выражал грозное предупреждение.

— А-а! — Человек отпрянул и исчез из поля зрения. Мама продолжала лаять.